

I

Француженка, которая живёт на Петроградском острове и покупает на Сытном рынке букеты из листьев капусты

– Но это уже не название, а целая глава, можно уже больше ничего не писать.

– Да, но это *мои* букеты! А она их покупает!..

Я никогда раньше не видела таких букетов: какие-то лиловые листья декоративной капусты, чертополох, сухоцвет и снова капустные листья – бордовые, синие, фиолетовые! — красота сумасшедшая. Не знаю, почему я не купила их сразу, а зачем-то пошла, покупать батоны. А когда вернулась, корзина была пуста.

– А где цветы? Здесь были цветы!..

– Их купила одна дама, – довольно сказала продавщица.

– Что, все?!

– Все! – И уважительно добавила: – Она француженка. Каждый раз покупает у меня все букеты. Говорит, во Франции таких нет.

Ага, конечно, только на вашем садовом участке «Красные зори».

Через неделю всё повторилось снова.

– А эти букеты с капустными листьями...

– Только что купила одна француженка, она говорит, что...

– Вы это уже рассказывали.

Вообще-то мы ездим на этот рынок исключительно из-за «стиляг».

– На планете Земля есть единственное место, где продают настоящий «Городской батон» – это Сытный рынок, – каждый раз говоришь ты.

В народе этот батон называют «стиляга»: потому что на вид он действительно стильный блондин из советского времени.

– Дайте пять «стиляг», пожалуйста.

На неделю нам хватает ровно пять. При том условии, что один батон обязательно сгорит в духовке, когда ты захочешь его подогреть, вынув из холодильника.

– Пекарь позорный, – всегда ворчу я. – Печь – это не твоё, забудь. Я домовита и меня расстраивают такие потери.

И вот суббота, а значит, мы едем на Сытный.

– Сегодня расхватали всех «стиляг», но я для вас оставила пять.

– Спасибо! И как это вы всех помните?! Нас же тьмы!..

– Не всех. А вас. Вы – индивидуальность.

Никогда не знаешь, где тебя настигнет признание.

– Слушай, индивидуальность, – ты распахиваешь стилияг по сумкам. – А ты в курсе, что тут когда-то было лобное место? И здесь казнили того, кто, можно сказать, построил Петербург.

– Вот блин. А как зовут этого святого человека?

– Еропкин.

– Еропкин? И всё?

– Еропкин Пётр Михайлович, это он задумал нам три луча вместе с Невским проспектом. А ещё храм тут стоял. Города всегда так строились: рынок, балаган, храм, лобное место. Всё, что нужно для жизни.

– Ужас. А мы теперь ходим и «стиляг» покупаем. Ну как это называется?!

– Это жизнь называется. Давай быстрее, а то опять опоздаем.

Мы со всех ног несёмся в павильон.

– А этот чудесный букет, с лиловыми листьями, есть?

– Ой, вы опять опоздали.

– Как это?.. Мы же специально приехали раньше!..

– Только что купила одна дама...

– Да, да, француженка...таких букетов во Франции нет, мы это уже слышали, наваждение какое-то.

– Вон она, к выходу идёт, видите?

Успеваем заметить тонкий дымчатый силуэт, обнимающий пять капустных букетов (или, наоборот, пять букетов, обнимающих силуэт)...

– Кто она такая? И вообще, что она тут делает, в Питере, на Сытном рынке?!

– Наши капустные букеты покупает. Слушай, а может, это Николь?.. Тоже француженка...

– ??? Да нет... не может быть.

– Я знаю, что нет. Но можно представить, что да.

II

На Петроградском острове нет времён года

Мы проходим мимо дома Траугота. Знаменитый ореол пушистых белых волос, круглые очки, длинный разноцветный шарф, красный вязаный жилет, штаны в шотландскую клетку... Всю жизнь этот человек прожил в сказках. И сам стал сказкой.

Этому сказочному художнику принадлежат огромные арочные окна на самом верхнем этаже мастерской. Это единственные живые окна, без стеклопакетов.

Смотрим на эти окна с почтением, разглядывая причудливые вазы с цветами.

– Ты видишь? По-моему, там наши букеты из капустных листьев!..

– Галлюцинации. Хотя...

– А ты заметила, что на Петроградском острове всегда непонятно – какое время года. Потому что здесь нет деревьев, один камень. Напиши об этом рассказ.

– Когда выпадет снег, всё будет понятно.

– Да, но остальные времена года здесь отсутствуют, так и напиши.

– Я не могу писать твои рассказы.

– Почему? Ты знаешь, однажды мне позвонила Наташа и сказала: «Я написала твой рассказ». А я говорю: «Как это?» Она отвечает: «А вот так. Написала я, но он твой, с твоей интонацией». И я так обрадовалась, что теперь на один рассказ меньше писать.

– Ты это к чему?

– Да к тому: если Наташа написала мой рассказ, почему ты не можешь?

– Пиши сама.

– Но ты же знаешь, что мне сейчас некогда.

– А для чего тогда ты вообще пишешь?

– Для счастья. А вот сейчас я не пишу и живу без счастья.

– Знаешь, я тоже иногда чувствую в себе склонность к тому, чтобы пожить без счастья.

На самом деле ты всё время пишешь. Ты высекаешь слова, роняешь их на улице, оставляешь в пельменной, теряешь на ветру. Мне приходится бегать и собирать их. Мне это надоело и я говорю:

– Я делаю тебе предложение: ты пиши мои рассказы, а я твои.

– Тогда я напишу рассказ о Николь. Я всё время думаю о ней. И в

рассказе я буду думать о ней в том самом кафе, которое рядом со Старо-Калинкиным мостом. Это такое маленькое грузинское кафе, в котором никогда никого нет.

– Кафе только для тебя, что ли?

– Похоже на то. Ты смотришь в окно, а там тоже никого. Только Фонтанка и иногда проезжает третий трамвай. И тоже пустой.

– Ну так не бывает. А где люди?

– Это конечная остановка. Люди уже вышли. Люди дома, пьют чай. Трамвай пустой, понимаешь. И вот там я буду сидеть и думать о Николь. Кстати, хорошая идея: давай ты тоже напишешь о Николь рассказ, но уже с другой интонацией.

– С какой, интересно.

– Ну со своей, разумеется.

– И это будет интонация пострадавшего.

– Запиши!

– Пишу. Только, знаешь, у тебя как-то слишком красиво всё получается: в кафе она сидит, на Фонтанку глядит... А в пельменной ты сидеть не хочешь?

– Ты просто мне завидуешь, что я в кафе сижу. Хорошо, напиши «в пельменной».

III

Старо-Калинкин мост

В кафе у Старо-Калинкина моста действительно никого нет. Только мы, пустой трамвай в окне и первый ноябрьский снег.

– Ну вот, всё, как ты хотела. Думай теперь.

– Думаю. Я думаю, что Николь была очень одинока в этом городе, как этот трамвай на кольце.

А я думаю, что Николь была везде одинока.

Она родилась в маленьком франкоязычном бельгийском городке Льеж. Там есть знаменитая улица-лестница, уходящая прямо в небо.

Я не знаю, на какой ступеньке она встретила Половцева, но в Петербург они приехали вместе.

А до него она любила Онегина. И Печорина. И весь «петербургский период» русской литературы. То есть всё сошлось.

– Николь увидела его и, наверное, решила, что он Печорин.

– А почему она так решила?

– Печорин из Петербурга. Потом Половцев был красив, умён, и, как ей привиделось, великодушен...

– А что, Печорин был великодушен?!

Не знаю, когда и почему она влюбилась во всё русское, эта

учительница, преподающая русский язык в льежской школе. Я вообще ничего не знаю о ней. Кроме того, что она приехала в Петербург зачарованная этим городом с детства.

...Да, такая вот картинка на фоне Невы: он – высокий, статный, пленительно мрачный, как его Петербург, а рядом девочка из бельгийской деревни, юная, влюблённая, говорящая по-русски с трогательным акцентом...

Какая красивая история могла бы получиться...

– А получилась жизнь. Это особый такой очень специфический жанр.

Мы замолкаем. Мы думаем о Николь порознь. Каждая со своей интонацией.

– Нет, мне мешает эта дурацкая музыка, нельзя ли попросить, чтобы они её выключили?

– Попробуй.

Ты подзываешь официантку и просишь сделать музыку тише.

Официантка кивает, но музыка по-прежнему мешает нам думать о Николь.

– А можно ещё тише?

Официантка снова вежливо кивает, но ничего не меняется в музыкальном оформлении зала. Радиоволна плещет по стенам, и нам несут горячие домашние хачапури и два бокала красного вина. Но в голодном раздражении мы ещё успеваем спросить:

– Простите, почему вы не можете сделать музыку тише?

– Поварам не слышно. Они погромче просят.

Мысль о простодушных поварах, любящих слушать музыку в рабочее время, развеселила. И нагнала аппетит. Мы съели хачапури и выпили вино, после чего у каждой из нас где-то в районе сердца разместилась маленькая танцплощадка с весёлым поваром, который двигался из стороны в сторону, задорно дергая плечиками. Лёгкость в белом фартуке. Музыка уже не мешала, она задавала ритм нашему повару.

И Николь незаметно покинула нас.

Она шла по пустым улицам и садилась в пустой третий трамвай.

IV

Ловчий лист

– Николь для него была как Дора Маар для Пикассо. Помнишь, сто пятьдесят портретов «Плачущей женщины»?

Когда Николь плакала, в душе его воцарялся покой. Она заметила

это, и поэтому всё время плакала.

Он внимал её слезам и расправлялся, как ловчий лист во время дождя. Это хищное растение, раскрывает свои листья, образуя как бы колодец, в который скатываются капли дождя и слёзы зелёных кузнечиков. Напитавшись влаги, оно расцветает.

Половцев всё время говорил. Николь слушала, жадно вбирая в себя новые русские слова. Она привыкла его слушать и говорить его словами. Жить его чувствами, думать его мыслями...

Но потом наступило время, когда она уже знала много слов и стала говорить их. И они располагались у неё в свободном порядке, потому что в русском языке синтаксис свободный. И получался совсем другой смысл... И перед ним предстала вдруг другая Николь – точнее, она просто *предстала*.

И тоже свободная.

И свободная Николь однажды ушла. А потом вернулась и снова ушла. И однажды он не открыл ей дверь.

И священник в храме сказал ей: «Не стучись в закрытую черную дверь: она может открыться».

Но Николь не послушала. И черная дверь открылась.

– Понимаешь, Половцев ненавидел всё, что любила она — её любимые фильмы, её любимые книги, её друзей, знакомых... Он ненавидел абсолютно всё, что мешало единовластвовать, всё, что находилось за его чёрной дверью.

– Я не думаю, что Николь была такой уж кроткой, она просто отодвигала очевидность, потому что...

– Потому что жизнь с верхней ступеньки лестницы городка Льеж представлялась ей иначе.

И наступил день, когда Николь снова попыталась открыть дверь, чтобы попасть обратно в свою жизнь, но она была заперта. Николь попросила выпустить её, но он сказал, что там, за дверью, ничего нет.

– Посмотри сама, – сказал он. – Там ничего нет.

И Николь быстро юркнула в приоткрытую дверь.

– Это ты про себя или про Николь?

– Про Николь.

Точнее, Николь – это моё состояние души.

V

Флейта и дерево

– Вчера было солнце, а сегодня дали снег.

Я нарезаю «стилягу», кладу на хлеб тонкие полоски твёрдого

сыра и отправляю в духовку. Я люблю завтраки.

– А ещё обеды и ужины.

Мы завтракаем и смотрим в окно. И я знаю, что сейчас ты обязательно скажешь про дерево.

– Я убила дерево. Моё любимое дерево.

– Оно бы рухнуло на кого-нибудь. Ты спасла человечество.

– А на фиг я его спасла? Это дурацкое человечество!.. Да и потом, вдруг бы оно не рухнуло? Я ведь каждый день просыпалась и смотрела на него... Это были лучшие минуты моего утра. Я тебе говорила, что больше всего на свете люблю утро?

– Говорила.

– Сейчас ещё раз скажу. Я люблю утро, знаешь, почему?

– Знаю.

– Потому что кажется, что вся жизнь впереди. И это, конечно, ошибка.

На нашей сетчатке глаза ещё остался образ того убитого дерева. Оно склонилось над улицей, повисло над проводами, соединилось с соседним деревом, образуя арку. Благодаря нашему дереву нам почти не видно соседний дом. И вместо него можно представить что-нибудь другое. Например, что там не дом вовсе, а лестница. Высокая длинная, ведущая в небо. По ней ангелы спускаются на работу, а праздные зеваки лазают наверх, чтобы окинуть взглядом будущую жизнь на облаке и сделать селфи.

На улице показался первый человек. Женщина. Никуда не спешит. Идет посередине улицы.

– По-моему, это я иду.

– Или Николь.

– Хорошо, пусть будет Николь.

– Мы когда-нибудь перестанем об этом говорить, но не сегодня.

– Хорошая фраза для названия, запиши.

И тут, как одобрение свыше, зазвучала знакомая мелодия, которая не могла уже звучать...

– Что это? Ты слышишь?!

– Слышу...

– Это наш чайник-флейта?

– Это призрак чайника-флейты.

Чайник-флейта покинул нас совсем недавно.

– Ага, «покинул». Это как – «несчастной жертвой Ленский пал».

– Ну а как сказать?

– Так и сказать: ты убила чайник, я дерево, а Онегин – Ленского.

Ладно. Значит, это был обычный чайник. У него не было свистка, но при этом каким-то волшебным образом он напевал удивительно красивую мелодию, за что мы и прозвали его флейтой.

Но у нашего чайника был один недостаток – пластмассовая ручка, она плавилась от огня конфорки. И в один ужасный день мы сдали чайник обратно в магазин. И купили новый, с железной ручкой. Кипит и молчит.

– Я скучаю по чайнику-флейте. Ну горел немного, ну и что. Ему бы просто ручку другую...

– Ты знаешь, я думаю, что, если отнять у индивида одно лишь качество, мешающее нам любить его, то этот индивид может вообще исчезнуть. Потому что природа не повторяется, и такой набор у неё уже есть, и другой такой же уже не нужен.

– Ты это о чайнике?

– Обо всех.

– Тогда, если я буду убирать за собой, я тоже исчезну.

Ты смеёшься.

– Ладно, не исчезай. Но хотя бы подними с пола эти бумаги. Что это валяется?

– Не валяется, а лежит на полу. Я решила разобрать стол. Это, кстати, те письма, которые мы купили на Удельной. Тут вот моряк своей Валюше пишет, что хочет вернуться в Ленинград к Новому 1960-му году. Адрес отправителя: Море.

VI

Адрес отправителя: Зима

– *«...Я так соскучился по тебе, дорогая моя Валя, и хочу, как можно быстрее, попасть в твои объятия и крепко-крепко тебя поцеловать и прижать к себе. Хорошо бы прийти к Новому году, но об этом пока можно только мечтать...» И в конце: «Чувствую себя удовлетворительно, было бы хорошо, но нет тебя рядом, так что только удовлетворительно... Большой привет всем знакомым и пожелания от меня в счёт Нового года, всех благ. Потрепи Кузю за ухо, чтобы не баловался. Крепко целую тебя, до встречи».*

– А зачем мы купили это чужое письмо? Даже неловко...

– А оно в коробке валялось под снегом и без призору... Мне как-то спокойнее, что оно в доме. А ещё адрес отправителя приятно читать: «Море». Это как адрес отправителя: «Зима».

Зима – это наш сегодняшний адрес. По зиме к нам являются призраки и мучают нас.

– Говорят, что всё, что тревожит, надо записать на бумажке и сжечь. И это исчезнет из памяти.

– А что тогда останется? Выжженное поле? Это письмо тоже сжечь?

– Нет... положи пока на стол... под стекло.

Я кладу письмо на старинный бабушкин ломберный столик, накрываю стеклом, под которым хранятся мои детские рисунки, открытки, фотографии... На одной из них я вот-вот взлечу в небо.

– А помнишь, как ты меня посадила на качали, они назывались, кажется, «Фламенко», и тебе сказали, что это совершенно безопасно, а меня унесло в небеса. И ты бросилась следом за мной, пытаясь руками остановить эту мельницу. Мы были обе на грани гибели.

– У тебя какая-то дурацкая мать. А сколько тебе тогда было лет?

– Не помню.

– Когда мне хочется восстановить в памяти какое-то событие, я всё время пытаюсь вспомнить – сколько тебе было лет. Вот если тебе было пять, значит, у меня была короткая стрижка, шифоновое платье синего цвета и шифоновое состояние души. А если тебе было семь – то у меня была совсем другая причёска... Я вижу себя только рядом с тобой.

– Нет, у тебя тогда были индийские штаны с попугаями, мои любимые. И потом я увидела их на бомжихе, причём торчала из помойки только её большая попа с попугаем. Ты выбросила эти штаны без моего разрешения!.. Это было горе.

– Пусть это будет самое большое твоё горе. Но ты остановилась на том, что Николь юркнула в приоткрытую дверь... А что случилось дальше?

– А дальше – её унесло на ту улицу-лестницу. Она вернулась в Льеж. Преподаёт в школе русский язык. Сыну Половцева уже восемь лет. По-русски не говорит.

– Похоже на конец фильма. Пошли титры.

Ну а мы пойдём на Старо-Калинкин мост, где соберутся все наши дорогие призраки: Николь, чайник-флейта, убитое дерево, «дорогая Валя» и утраченные штаны с попугаями...

И мы об этом говорим.

– Мы когда-нибудь перестанем об этом говорить...

– Но не сегодня.